

Александр Алексеевич Багринцев (1957–2014). Профессиональный журналист, всю жизнь проработавший в Верхнемамонской районной газете. Автор книги прозы и документалистики «Быть добру!».

Александр Багринцев

ПЕТЬКИНА ЛЮБОВЬ

Петро Хомутов положил глаз на Варюху Оглоблину и задумался всерьез, как бы ее внимание на себя привлечь. Цветок ей что ли какой-нибудь подарить или книгу про любовь, большую и настоящую... И пошла у парня кругом головушка. Мысли в ней закрубились самые разные, но от хаотической кутерьмы не было абсолютно никакой ясности. Сплошная сумятица и темный лес.

Цветы и книжки, рассуждал Петр, дело обычное, сплошь и рядом распространное. Но чаще их дарят оперным певцам и всяким балеринам, потому как эту категорию наших граждан никакими другими ценностями не удивишь. У них от тряпья заграничного пошива сундуки небось ломаются. Набор кастрюль таким бабам и вовсе ни к чему. Ни одна уважающая себя балерина не станет есть пшеничный кулеш на свином сале с луком вприкуску. Они питаются в дорогих ресторанах исключительно фруктами и жар-птичьими гребешками. Потому-то и дарят им цветы. Цветок есть цветок. Постоит он в вазочке, завянет, и выбросит она его, как потрепанный веник. Книга, конечно, дело другое. Она учит людей осмысленно и красиво на свете жить. Но, опять-таки, прочитал ее, повздыхал-поохал от сердечных переживаний, узнал, кто с кем, где и как, а дальше-то что? На полке будет пылиться, как никому не нужная, устаревшая вещь. Нет, цветы и книги — это не то. Варька все-таки девка видная, яркой наружности и душевного характера. К тому же передовая телятница и член комиссии по борьбе с расхитителями колхозной собственности. А потому заслуживает большего внимания. Букет фиалок для такой личности как-то мелковато. Подарок ей надо сделать ценный: если не на всю жизнь, то хотя бы на продолжительное ее время. Например, чулки капроновые черного

цвета, в каких взбрыкивают странные артистки. А еще лучше — кофту с начесом. Самую натуральную, из чистой шерсти без всяких примесей, цвета спелой малины, с двумя рукавами и длинным воротом. Абсолютно новую, с фабричной этикеткой и ни в одном месте не тронутую молью... Развернет Варюха кофту и обомлеет, а когда цену на этикетке увидит, то сразу поймет, как он, Петр Хомутов — не самый хреновый в колхозе тракторист — высоко ценит ее достоинство.

Не один день маялся Петр от сосущей душу неясности. Его щемили мучительные сомнения, свойственные каждому влюбленному человеку. Кофта с начесом вроде бы то, что надо, тем более ярко малиновая — мечта каждой сельской интеллигентки. А вдруг у нее такая есть? Может, она в сундуке хранится для самого важного в жизни события. Ее могли пересыпать нафталином и беречь как наряд для второго дня Варькиной свадьбы...

Все сомнения мятущейся души разрешились как-то сразу и вдруг. Это случилось в пятницу утром, когда Петр Хомутов по путевке сельпо вез стеклотару на базу райпотребсоюза. Дорога змеилась мимо угольного склада, где бугрились холмы черного антрацита. Тут-то его и накрыла мысль: сторож склада Степан Ильич Ершов — самой доброй души старикан! Они даже состояли в родстве. Бабке Акулине, двоюродной тетке Петькиной матери, он был сводным деверем по первому браку. Выходит, в доску свой человек... На полпути из райцентра Петр свернул со шляха и спрятал трактор за полосой берез. До сумерек оставалось часа полтора. Закурил, с нежностью подумал о Варьке, представил их совместную счастливую жизнь.

И такая блаженная истома окатила сердце, что все вокруг стало милым и родным: и березы, и неба синь, и черный жук, заблудившийся в траве...

Небо густо вызвездило. Медный осколок молодого месяца низко плыл, цепляясь за макушки старых осин. В сторожке тускло желтел свет. Петр заглушил трактор и подошел к окну. Степан Ильич, сутулясь, сидел за столом и вел в одиночестве двусторонний доминошный бой. Вооружившись двумя наборами костяшек, он гулко гвоздил ими по столу, вынимая поочередно то из одной, то из другой пятерни. С бутылкой «Пшеничной» и кульком камсы Петр звякнул щеколдой и вошел в сторожку. Старик вздрогнул от неожиданности и выронил костяшки на пол.

— Петь, ты, что ль, мать твою так? — подслеповато щурясь, разглядел гостя Ильич и протянул ему сухую ладонь. — Каким ветром тебя занесло?

— Из Осиновки еду, стеклотару возил.

— А я тут от скуки, мать твою так, сам с собою шлепаю. Садись, забьем одного.

— Да ну его, Степан Ильич, чего без толку по столу грякать. Давай уж лучше по стопке. Весь день на колесах, башка гудит.

Ильича развозило на глазах. Когда бутылка стала порожней, он уже не вязал лыка.

— Кто твой друг, мать твою так? — мычал он одно и то же.

— Ты, Ильич, кто же еще?

— Вот то-то, мать твою так, — слезился старик, тиская крутые плечи парня тощими, как тыквенные плети, руками.

Минут через двадцать Ершов с клекотом храпел на хрустком топчане. По впалым щекам и ястребиному носу сновали назойливые мухи. Петр вышел из сторожки и осмотрелся со света. Сбоку ворот, поодаль крутой угольной горы, чернела горка поменьше. Подошел ближе — одни глыбы и совсем без пыли.

За час Петр накаidal телегу до бортов, завел трактор и тронул вперед, от греха подальше. В окнах на улице — ни огонька, лишь горластые петухи изредка вспарывали сонное безмолвие ночной деревни. Петр проехал мимо Варькиных ворот и остановил трактор у забора, за которым стоял кирпичный угольник. Гидравлика сработала безотказно...

Петр отогнал трактор на бригадный двор и темной улицей зашагал к дому. Грудь

распирала неумная радость, от которой и тополя, и домики родной улицы — весь этот с детства знакомый мир под мириадами звезд стал таким необыкновенным и восторженным, будто он увидел его впервые. С этой радостью он долго засыпал, как засыпают самые счастливые люди на земле...

Утром, после бригадного наряда, Петр зацепил к трактору культиватор и перед выездом в поле проверял щупом уровень масла. На душе было так, что, казалось, мог взлететь без крыльев.

— Ах, вот он ты, змей ползучий! — этот голос хлестнул его, как горячая плеть.

От бригадного домика, как нахохлившаяся индюшка, на него надвигалась Мотя Оглоблина, Варькина мать.

— А-а ш-што, т-тетя М-мочь? — застучал он зубами, пытаясь выдавить из себя что-то внятное.

— Я те покажу, кобель собачий, што ды чаво, — орала, как ужаленная, Матрена, — каменьев под двор навалил и — я не я, хамлюга бесстыжий. Если к завтраму хоть одна каменюка останется, в сельсовет поволоку, как козла на веревочке.

Этот день показался Петру дольше високосного года. В поле, не видя борозды, он вел трактор будто в никуда, ничего не соображая, как оглушенный веслом сом. Работал дотемна, чтобы ни с кем не встретиться по дороге домой. До двора — Бог милował — ни души не встретилось, а у дома на лавочке попыхивал самокруткой отец.

— Ну что, отличник боевой и политической, фигуру Бог дал, а головой обидел? Ты бы в избу на тракторе заехал да там и вывалил. Эх, мать твою так, и в кого ты таким дураком уродился? — зло сплюнул он к забору.

Петр молча проскользнул в калитку и огородами направился к двору Оглоблиных. Шел, крадучись, как матерый волк, вздрагивал от каждого шороха, останавливался, вслушиваясь в голоса на улице. Под Кубенями в дубках базарили бабы, а дальше, на стоговском заколотке, звонко гомонила молодежь... Во дворе Оглоблиных было тихо и темно. Петр присел над черной кучей, чиркнул спичкой, «Порода, мать твою так...» — понял он с такой ясностью, от которой хотелось взвыть...

До оврага — шагов полста. Носил он по три-четыре глыбы, сколько можно было взять, чтобы удержать на сомкнутых в замок руках, зло материл самого себя, швыряя камни на дно яруги. «До стада успеть бы», — подумал он, всматриваясь в медленно убывающую кучу. После десятка ходок мокрая рубаха липла к спине, глаза заливал едкий пот. Прикуривая папиросу после очередного рейса, Петр услышал вдруг тихий смех, от которого екнуло сердце. В проеме калитки стояла она, Варька! Как бы он хотел сейчас провалиться сквозь землю от этого смеха, от всего того, что навалилось на него тяжестью в этот Богом проклятый день! Петр стоял молча, ссутулив плечи. Огонек папиросы предательски дрожал, выдавая его волнение.

— Можно помочь вам, Петр Васильевич? — тихо, сдерживая смех, спросила Варька, подойдя к нему вплотную. От этого голоса, от этого теплого запаха девичьего тела, скрытого легким халатиком, у Петра перехватило дыхание, и сердце гулко заколотилось в висках.

— Уж как-нибудь сам, — ответил он с хриплой дрожью в голосе и, склонившись над кучей, стал укладывать глыбу на глыбу.

Когда его широкая спина скрылась в темноте, Варька взяла два камня и пошла за ним вслед... Носили молча. Он не знал, куда себя деть от стыда и неловкости, а ее распирал смех и что-то новое, незнакомое, от чего звезды закружились над головой...

В окно взглянул серый рассвет. По улице разноголосо мычало стадо. «Волосы у нее пахнут лугом, а губы — самые сладкие на свете...» С этой мыслью и сморил Петра Хомутова крепкий, здоровый сон.

Иван Артемович Кураков родился в 1932 году в селе Гориховка Верхнемамонского района. Инженер-гидролог. Работал во многих регионах России, за границей. Автор книг «Вся жизнь в рассказах», «Невидимые провода».

Иван Кураков

«ВСЕ МЫ ЗДЕСЬ АГРОНОМЫ!»

Случилось это в мае 1963 года на Кубе. Только что благополучно завершился так называемый Карибский кризис. Отношения между СССР и США улучшились. Советские ракетные установки с Кубы были вывезены, но воинские части там еще оставались. Между Кубой и Советским Союзом успешно развивалось сотрудничество в науке, промышленности и сельском хозяйстве. На Острове Свободы появились советские специалисты для оказания технической помощи.

Вот тогда и прибыла на Кубу большая группа гидромелиораторов на теплоходе «Мария Ульянова». Эти специалисты были распределены по всем шести тогдашним провинциям. Я попал в группу, которая должна была работать в самой дальней от Гаваны провинции — Ориенто. Перед нами стояла задача: изучить природные особенности острова, существующее положение дел в сельском и водном хозяйстве, дать рекомендации по более рациональному и интенсивному их использованию.

Когда мы были в Москве и готовились к поездке на Кубу, нам очень много давали всяких рекомендаций, советов и наставлений и в Минводхозе, и Минсельхозе, и, конечно, в Большом доме на Старой площади. Некоторые из этих советов материализовались — это в основном коснулось нашей одежды и обуви. По рекомендации бывалых, то есть тех, кто уже побывал на Кубе, большинство из нас приобрели в московских магазинах бывшие тогда в моде клетчатые рубашки с короткими рукавами, называемые «шотландками», и легкие китайские брюки, которых тогда в магазинах было предостаточно.

По прибытии в город Ольгин, где мы должны были жить и работать, нас разместили в небольших коттеджах, раньше принадлежавших кубинской буржуазии, сбежавшей после революции в США. Жили мы по пять-шесть человек в таком коттедже. Семей тогда с нами еще не было. На работу и с работы нас возили на автомашинах, кормили в загородном ресторане, так что город мы практически и не видели.

В одно из воскресений, когда мы были свободны от работы, я и двое моих товарищей — Игорь Степанов и Евгений Барышев — решили поближе познакомиться с городом. Надели свои рубашки-шотландки, китайские брюки, нацистали до блеска туфли и отправились в центр города. Побывали на центральной площади, в сквере и, конечно, заглянули в магазины. В одном из магазинов, когда мы стояли у прилавка и рассматривали кубинские товары, к нам как-то незаметно подошли трое крепких парней — явно славянского происхождения, светловолосые и голубоглазые, с курносими носами. Одеты

они были так же, как и мы, — в клетчатые рубашки и китайские брюки. Стали нас тихонько отодвигать к концу прилавка, а потом один из них тихо спросил:

— Вы из какой части? Покажите ваши увольнительные!

— Мы мелиораторы! — почти в один голос ответили мы. — А кто вы такие и что вам от нас надо?

— Что это еще за мелиораторы? Все мы здесь агрономы! А ну, пошли к капитану — он быстро разберется с вами. Мелиораторы!

Документов у нас с собой никаких не было, наши объяснения во внимание не принимались. Мы были вынуждены подчиниться. Нас посадили в автомашину ГАЗ-69, стоявшую неподалеку, и повезли к капитану.

Капитан, тоже одетый в клетчатую рубашку и китайские брюки, встретил нас в большом загородном доме настороженно. Сначала пытался выяснить, из какой мы воинской части, но потом стал прислушиваться к нашим объяснениям. Позвонил по телефону своему начальству, а потом в советское консульство в городе Сантьяго-де-Куба. Все выяснил и сказал:

— Да, действительно, вы мелиораторы! Правда, нас о вашем прибытии в город не успели поставить в известность. Кроме нас, других советских граждан здесь еще не было. Странно как-то все получается... А кто вам эту форму выдал?

— Нам эту одежду посоветовали в Москве, как наиболее подходящую для тропиков, — ответили мы.

Капитан долго смеялся, но объяснять нам ничего не стал. Приказал отвезти нас домой.

Позже мы узнали, что когда советских солдат и офицеров массово завозили на Кубу, их всех для конспирации одели в такие же, как и у нас, клетчатые рубашки и китайские брюки. Все они были «работниками сельского хозяйства — агрономами и зоотехниками».

Иван Акимович Пахомов (1926–2004). Уроженец села Гороховка. Участник Великой Отечественной войны. Работал учителем, журналистом. Автор многих сборников стихотворений и прозы.

Иван Пахомов

ВОЛКИ

Быль

Об этом совсем недавно рассказала мне солдатская вдова, пенсионерка колхоза «Авангард» О.Г. Евдокимова.

Шел третий год войны, а все тяготы в тылу легли в основном на женские плечи. Теперь, после возвращения из эвакуации, гороховцы заново возрождали колхозы. Основной тягловой силой были волы. На них-то женщины и возили с поля солому на бригадные дворы и вновь созданные небольшие молочно-товарные фермы.

Пшеничные поля находились у хутора Дубового. В такую даль (около 18 километров) обычно выезжали очень рано. На этот раз Ольга Гавриловна еще с вечера договорилась с напарницей М.И. Савенковой прийти пораньше на бригадный двор. Они преследовали две цели — во-первых, вернуться домой до ночи, и, во-вторых, можно было выбрать лучших волов и сани.

Еще многие сельчане досматривали сладкие сны, когда две подруги, выехав с бригадного двора, взяли курс на дальнейшее поле.

Ночная тьма никак не хотела сдавать свои позиции наступающему утру. Так в потемках и проехали почти полпути. На рассвете подул северный ветер и повалил густой снег. Вскоре дорогу замело.

— Не вернуться ли назад? Ведь теперь из села никто не выедет, — сказала одна из подруг.

— Да тут скирды уже близко, — возразила вторая. Последние километры волы утопали в снегу по самое брюхо. У скирд подруги немного посидели в раздумье: что же делать? Снег чуть убавился, и они решили грузиться. Наложили два воза соломы, и теперь предстояла длительная дорога домой.

— Гей, милые! — раздалась команда, и волы тронулись. Проваливаясь в снегу, они давили на ярмо своими натруженными шеями, и сани медленно скользили, оставляя глубокую колею.

Короток зимний день. Может, и проехали половину пути, как стало заволакивать сумерками даль. А вскоре совсем стемнело. Мороз крепчал. Небо прозрело какими-то сверхдальними точками звезд, которые скорее походили на потухающие угли давно прогоревшего костра.

И вдруг в темноте замелькали ярко-зеленые огоньки. Возникли они где-то там, далеко, и перекачивались в каком-то беспорядке — явно было, что они приближались.

Женщины сразу догадались: волки! В те годы некому их было отстреливать, поэтому и развелось много матерых хищников. Подобное и раньше приходилось видеть, но тогда их, ездовых, было по семь-десять, причем один-два — обязательно мужчины, из тех, кто пришел с фронта по ранению или не мог быть там по возрасту. А сейчас подруги были одни.

Волы не пустились в галоп, как это бывает с лошадьми, но ходу прибавили, и это было заметно. А вскоре волки догнали их. Некоторое время они играли друг с другом на небольшом расстоянии. Женщины кричали на них, ударили вилами по вилам. Но это не пугало хищников, они не удалялись и не приближались, а прыгали по глубокому снегу буквально в нескольких шагах.

Трудно сказать, чем бы все это закончилось, только подругам несказанно повезло. Выручил женщин И.Н. Дерезуцких, фронтовик, только что вернувшийся с фронта инвалидом второй группы. Когда в правлении узнали, что ранним утром еще до ветра и снега две колхозницы уехали в поле, то, как только стихла буря, к ним на подмогу и был направлен на лошадях Иван Николаевич, конечно, с ружьем.

Почти у самого села, лязгая клыками, волки отстали от возов. Они еще долго сидели на дороге, злобно поглядывая в сторону уехавших. А на рассвете ушли в степь, известив жителей села удаляющимся протяжным воем.

А следующим утром десять саней, запряженных волами, держали путь на то же поле к тем же скирдам. На первых и замыкающих эту движущуюся цепочку санях виднелись шапки-ушанки и слышались зычные мужские голоса вперемежку с женскими: «Гей, милые!..»

Михаил Михайлович Редькин родился в 1940 году. Более 30 лет проработал в Верхнемамонской районной газете фотокорреспондентом. Издавна увлекается литературным творчеством.

Михаил Редькин

АЭРОВОЗ ИВАНА ГОЛОВНИНА

После перестройки россияне получили много свобод и прав, а вот денег катастрофически не хватало. Зарплату и пенсии задерживали, цены бешено росли. После очередного подорожания бензина пенсионер из Краснограда Иван Афанасьевич Головнин закрылся в своей слесарной мастерской, под которую была отведена часть летней кухни, и крепко задумался.

Думал, сидя за столом с чертежами и, когда надоедало сидеть, ходил, мучаясь творческой мыслью, от входной двери к сверлильному станку у противоположной стены и обратно. Думал всю ночь. К утру решение вызрело, и проект был готов. Старый, прошедший огонь, воду и медные трубы, прославившийся своей выносливостью и необыкновенной долговечностью мотоцикл ИЖ-49 теперь будет двигаться от воздушного винта (пропеллера), как у самолета, а пропеллер будет вращаться запасаемой аккумулятором электроэнергией. И это еще не все! Главное — с расходом энергии на вращение винта батарея будет заряжаться от установленного на мотоцикле генератора.

Воплощение мечты в жизнь шло быстро. Семидесятипятилетний Иван Афанасьевич Головнин за свою трудовую жизнь был и медником, и электриком, и слесарем по ремонту сложных приборов, и просто слесарем, который пилит, режет, рубит, гнет металл и собирает из деталей разные чудодейственные механизмы.

На багажнике мотоцикла разместилась аккумуляторная батарея большой емкости, как на грузовых автомобилях. Лопастей винта слесарь вырезал из четырехмиллиметрового алюминиевого сплава. Две пары проводов шли от батареи: одна — к электромотору, другая — к заряжающему генератору.

Помогал Ивану Афанасьевичу внук Вовка.

— Что ты там видишь? — спросил он, когда дед снял крышку с бензобака и наклонился над горловиной.

— Ничего не вижу, — ответил дед. — Бензином теперь и не пахнет, чтоб его черти взяли. Как бы дорого с этого дня он ни стоил, нас это не коснется. А бензобак... Дед похлопал ладонью по бензобаку, отчего во времянке гулко отозвался звук пустоты, и продолжил:

— Я думаю, внук, его теперь можно и снять, как ненужную вещь.

— Нет, ты что! — возразил Вовка. — Если мы бензобак уберем, не к чему будет прислоняться коленями.

— И то верно, — согласился дед. — Хороший из тебя, Вовка, инженер выйдет, прямо-таки почти как дизайнер.

— Дизайнер — это как? — не понял внук.

И Иван Афанасьевич пояснил:

— Дизайнер — это не только все правильно и толково, но еще и красиво. Ну-ка подай мне болтик с резьбой на восемь, шаг нормальный, вон из того ящичка.

— Резьба метрическая или дюймовая? — уточнил внук.

— Метрическая, метрическая. Наш ИЖ рожден в Приуралье. На нем ничего нет дюймового.

— Поскольку теперь это уже не мотоцикл, как назовем нашу машину? — спросил дед у внука, когда все задуманное было сделано.

— Аэровозом, — недолго думая, ответил Вовка.

— Так ведь неправильно будет, по-русски — воздуховоз. Это что-то такое непонятное.

— Ну и что ж? Самолет — тоже не самолет, потому, что не сам летает. В нем летчик сидит. Так что не мы первые, не мы последние.

— Аэровоз так аэровоз, — согласился Иван Афанасьевич...

И вот настал торжественный момент. Дед с внуком перед испытанием своего творения слегка волновались. Еще бы! Такого нигде еще не было. «Как поведет себя аппарат? Хватит ли у воздушного винта тяги, чтоб двигать по дороге тяжелую в общем-то машину, да еще с двумя пассажирами на ней? Велика ли будет скорость движения?» — такие вопросы волновали изобретателей.

Перед тем как выкатить аэровоз на улицу, решено было привести во вращение пропеллер в слесарке, посмотреть, что получится, а то, может, понадобятся какие-нибудь доводки, регулировки. Мало ли какие неожиданности могут вывиться?

И вот Иван Афанасьевич простер руку к кнопкам и рычажкам управления. Вовка замер в ожидании. После щелчка тумблера электромотор включился сразу на полную мощность. Раздался оглушительный свист и шипение. С вбитых в стену гвоздиков, с полок, с рабочего стола сильной воздушной струей от четырехлопастного винта сорвало всякую всячину и разбросало в разные стороны. Откуда поднялась туча пыли, и потемнело так, что дед с внуком не могли разглядеть друг друга.

Аэровоз снялся с подножки и неизвестно где бы очутился, окажись он на улице. Но испытания проводились в помещении, и машина, упершись передним колесом в стену, остановилась.

Так дед и внук Головинны уяснили, что с электросиловой установкой, увенчанной воздушным винтом (пропеллером) шутки плохи, сил и запаса энергии в батарее много, но, главное, они поняли, что для дальнейших испытаний им нужна дорога с ровным покрытием, чтоб окончательно проверить, на что аэровоз способен. У них же по всей улице асфальт был весь в выбоинах, будто его от заката до рассвета бомбили ночные ведьмы.

— Это не беда. Не горюй, Вовка. Не сегодня-завтра дорожники сделают здесь ямочный ремонт, и тогда... Сначала возле дома прокатимся, а потом и на авто-страду выедем, — успокаивал внука Иван Афанасьевич.

— А в Ольховый Лог? А в губернию, а еще лучше — в Москву, дед, поедем на аэровозе?

— Поедем, Вовка. На бесплатном энергоносителе — хоть в Москву, хоть на край света!

— Ура! В Москву поедем, президента увидим! — обрадовался внук и начал фантазировать: «Представляю, едем мы на аэровозе по Москве. Дорога машинами забита, везде пробки. А нам предоставляют право внеочередного проезда. «Это что у вас за чудо-машина?» — спрашивают все. А ты, дед, отвечаешь: «Аэровоз называется. Мы с внуком изобрели, чтоб бензин не покупать». Москвичи, конечно, в восторге.

— Откуда вы такие? — спрашивают.

— Из Краснограда, — отвечаем. — Это такой городок небольшой, где маленькая речушка прямо в центре его протекает. По ночам из речушки вылезают на

прибрежные огороды борбы и грызут тыквы. И вообще у нас много всяких чудес. Приезжайте, сами увидите.

— Обязательно приедем, обязательно, — говорят москвичи...

А пока суть да дело, аэровоз изобретатели выкатили из мастерской и поставили посреди двора, чтоб каждый, кто хотел, мог прийти и осмотреть чудо-машину со всех сторон. Желающих увидеть изобретение было много. «Вот здесь у нас с Вовкой две фары вместо одной, а между ними двустороннее зеркало и ночью видно все не только спереди, но и по сторонам», — растолковывая что к чему, водил вокруг аэровоза любопытных гостей Головин-дед.

Приехал за сенсационной новостью корреспондент местной газеты, сел на аэровоз, потрогал рычаги, понажимал педали и, глядя на пропеллер, сказал:

— Эх, взлететь бы!

— Ну и куда потом? — спросил Иван Афанасьевич.

Он ожидал, что и журналист, видимо, как и они с Вовкой, возмечтает очутиться задарма в столице.

— А никуда, — ответил корреспондент. — Просто ввысь — и все.

Через полчаса он поспешил с потрясающей сенсацией в редакцию «Красноградских новостей».

— Прямо-таки не знаю, как поступить с твоей сенсацией, — заосторожничал редактор, прочитав статью.

— Как это не знаете? В номер ее немедленно! — заволновался корреспондент, чувствуя, что над его материалом нависла угроза редакторского неодобрения.

— А вдруг эта новость не понравится главному нашему учредителю? Скажет: «Это что ж, в моем муниципалитете от нищеты голь на выдумки пошла? Нет! Не пойдет», — вынес окончательное решение редактор.

— А про что ж писать? — задал вопрос корреспондент.

— Про наши успехи и достижения пиши, а про нищету не надо.

— Я бы написал, да где взять?

— Бери, где хочешь. А ну-ка стой! Ты куда пошел? — поспешил остановить направившегося к выходу корреспондента редактор. — Ты это... Не обижайся. Премия все равно получишь наряду со всеми. Давай сюда твою сенсацию.

Корреспондент протянул материал редактору с надеждой: может, передумал и даст в газету. Но тот тщательно сложил листки вчетверо, разорвал и бросил в корзину — от греха подальше, вдруг вздумается кому-то раздуть сенсацию аж до области, тогда уж точно беды не миновать...

Между тем, поток экскурсантов во двор к Головинным, к аэровозу, день ото дня уменьшался и постепенно сошел на «нет». Ямочный ремонт асфальтового покрытия на их улице так и не начинали. На ИЖ сорок девятый с пропеллером и два дождя уже выпали: первый проливной, второй обложной, морозящий, не прекращающийся целую неделю.

В один из скучных дождливых дней, когда погода не располагала к занятию чем-нибудь иным, пошел пенсионер Головин на другую сторону улицы в магазин посмотреть на колбасу, и когда вернулся, внук спросил:

— Что, дед, такой невеселый? Цены опять поднялись?

— Хуже, Вовка. В магазине говорят, не будет на нашей улице ямочного ремонта. Весь асфальт ухлопают на полное покрытие на Восьмомартовской. Там якобы скоро должен проехать какой-то большой начальник. Тополя сбочь дороги уже побелили. Скоро асфальт начнут класть.

— А может, он передумает? — возразил Вовка.

— Кто? — не понял Иван Афанасьевич.

— Начальник этот. Сейчас так решил, потом все обдумает и скажет: «Не хочу

ехать по Восемьмартовской. Повезите меня по какой-нибудь другой улице. Разве так не бывает?

— Может, и бывает, внук, только нам от этого легче не будет. Сначала дорогу сделают, весь асфальт ухлопают, а потом начальник, может, и передумает.

— Да, плохи наши дела, — отозвался Вовка.

— Ты вот что, внук, глянь, кто там к нам пришел? Возле аэровоза нашего что-то крутится, — стоя у окна, сказал Иван Афанасьевич.

Вовка вышел во двор, и вскоре вернулся обратно с гостем.

— Вот хочу купить ваш аэровоз. За ценой не постою. Продадите? — сказал гость.

— Нет, что вы? — сразу отказался Иван Афанасьевич и повернулся к внуку. — Ты как, Вовка?

— Не продадим, конечно. Мы с дедом даже ни разу не прокатились на нем. Ждем ямочного ремонта...

Так и стояли дед с внуком на своем, а гость все набавлял и набавлял цену и, наконец, снял с пояса большой кошелек и вытряхнул из него все содержимое на стол. Получилась приличная куча.

Иван Афанасьевич «перелопатил» купюры своими широкими ладонями.

— Смотри, внук, сколько деньжищ! — восторженно сказал он. — На подержанный «Запорожец» хватит и останется еще.

— Дед, «Запорожец» у многих есть, а аэровоз — только у нас. Нет, не надо продавать, — возразил Вовка.

— На почти новый «Запорожец» хватит, — продолжал толковать дед. — А электросиловую установку мы можем и на автомобиле установить, если бензин не подешевеет. Прямо на крыше... Надо только лопасти пропеллера сделать пошире, да аккумуляторы поставить помощнее.

— А если крылья приделать, «Запорожец» может взлететь, — оживился вдруг Вовка, и дед ответил:

— Обязательно взлетит. Если крылья есть, полетит какая угодно каракатица. Вся суть в крыльях.

По всему было видно, что идея уже захватила и внука.

— Честно признаться, Вовка, на этот счет у меня знаний маловато. Тут надо теоретически поднатореть.

— Поднатореем! А что? В библиотеке книг наберем... Ладно, продаем, дед!

Сделка состоялась. Аэровоз осторожно, чтобы не повредить пропеллер, погрузили в тракторную тележку и увезли.

А потом... Потом случилось такое, чего дед и внук Головнины не ожидали и предвидеть не могли. Торговля автомобилями и мотоциклами в маленьком городе шла слабо. Да что там... Совсем, можно сказать, не было никакой торговли. А время спустя деньги, вырученные за аэровоз, съела инфляция.

И рухнули планы Головниных насчет «Запорожца» с крыльями. А вот мечта у Вовки стать инженером осталась. Родилась она в дни, когда они с дедом в маленькой слесарной мастерской строили аэровоз на базе старого мотоцикла ИЖ-49, и ничто не смогло истребить эту мечту. Иван Афанасьевич тоже мечтал, чтобы Вовка стал инженером. Он очень любил своего внука.